

*Воропай Т. С.**Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина (г. Харьков)*

Как раз во время написания этой статьи мне стала приходиться face-book-овская рассылка под названием «Высшая школа Украины: распад или рассвет?», которую организовали с десяток докторов физ-тех, физ-мат и прочих естественных наук. Почитав, что народ пишет, я поняла, что никакие «контекстные», т.е. дополнительные материалы по теме статьи не потребуются – все важное и интересное по теме «образование и наука» с избытком содержится в on-line ресурсах.

Так обозначился первый вектор обсуждения заявленной в статье темы: глобализация и виртуализация культуры и ее естественное влияние и на науку, и на образование. Другие вектора вырисовываются в результате простого обобщения тем, которые часто обсуждаются и которые у всех на слуху. Это миф о якобы первоклассном образовании в бывшем СССР, о приоритете науки и привилегированном положении ученых в советское время и, соответственно, «сдаче» всех этих позиций в современное время. Это также проблема понижения качества образования, которая прослеживается на всех ступенях – от средней школы до аспирантуры и имеет множество причин и множество следствий, в том числе и для науки. С понижением планки качества тесно связана утрата рациональности и критичности, в результате чего в образование и науку, особенно гуманитарную, хлынул поток нездоровой эзотерики, как правило, с религиозно-национальным уклоном. И, наконец, вектор, связанный с самим гуманитарным знанием и его традиционным предназначением вносить «гуманистическую» компоненту как в образовательный комплекс, так и в науку (ценности и идеалы познания, этика науки, экология и т.п.).

Рассмотрим (по необходимости тезисно) тот сдвиг, который произошел в культуре под воздействием глобализационных трансформаций. Так или иначе он связан с информатизацией и информационными технологиями. Информационная революция выразилась не только в количестве и скорости обращения информации, она привела к образованию сетевого общества с собственными субкультурами, создала мощные по воздействию новые средства визуализации. Огромное количество мультимедийных средств в сочетании с интерактивностью постепенно осуществляют «культурную революцию», сопоставимую с Гуттенберговой¹ [1; 2].

В культуре происходит смещение с превосходства текста в сторону превосходства образа, а это коренным образом меняет человека, его перцепцию, когнитивные способности. Но если об антропологических следствиях информационной революции мы будем судить завтра, последствия глобализации видны невооруженным глазом уже сегодня.

Обилие информации поражает, а порой и подавляет; только просматривая несколько новостных лент по разным тематическим направлениям, можно не беспокоиться об уровне своей компетентности. Не хватает времени не только прочитывать и осмысливать необходимую информацию, но и удалять отработанные файлы. Соответственно преподаватели делятся на тех, кто ходит на работу с ноутбуком и тех, кто не ходит (пока). Система «профессор – лекция – конспект» остается столь же необходимой, столь и архаичной, ибо самый продвинутый профессор знает меньше, чем может поместиться на жестком диске. Да, профессор знает, как отобрать, отфильтровать, систематизировать и классифицировать информацию; да, студент знает, что лекцию лучше писать, во-первых, потому что ему этому преподавателю экзамен сдавать, во-вторых, иногда с этим конспектом он и сам может войти в аудиторию. Но это не меняет сути – учебный процесс изменяется коренным образом, и мы только учимся жить и работать в условиях переизбытка информации и ее принципиальной доступности. Конечно, налицо и издержки. Я была поражена, что не только студенты, но и аспиранты не то чтобы разучились, но никогда и не умели конспектировать источники, то есть делать необходимую черновую умственную работу, без которой немислима никакая креативность. Потом я поняла, в чем дело. Эти поколения выросли уже при работающем ксероксе (я еще помню очереди на ксерокс в областной библиотеке им. Короленко), то есть – отксерил, сдал или выступил, забыл. А вместо толстых «бобм», которые когда-то добросовестные студенты писали от руки, пришли те же ксероксы, но снятые на телефон. Доходит до смешного – вместо того, чтобы набрать вручную объемную цитату из книги, быстрее найти эту книгу и эту цитату в электронном виде и сэкономить себе пару драгоценных минут. За этими мелочами проступает серьезное – абрисы нового мира и новой культуры. Пока мы живем в двоумирии, или в двух параллельных мирах – Гуттенберговом (линейном, бумажно-книжном) и электронном (многомерном, визуальном и виртуальном), каждый из которых по-своему реален, но эти миры имеют разные онтологии и разные формы социальности.

Сетевые информационные ресурсы решают проблемы, которые не в состоянии решить государство. Ностальгия по книге и по библиотеке понятны, но ведь известно и то, что 40 % украинцев, как, впрочем, и россиян, в этом году вообще не держали в руках книги. В той же России 80 % книжной продукции издается и потребляется в Москве и Петербурге. Бедная провинция живет без книжного богатства. Но ведь она еще живет и без денег. Харьков – не самый маленький город в Украине, но его книжные магазины производят впечатление мнимого изобилия –

¹ Чтобы оценить масштабы свершившейся информационной революции, достаточно сравнить основные тезисы книги М. Маклюэна «Галактика Гуттенберга», вышедшей в 1962 году, с тезисами книги Э. Кастельса «Галактика Интернет», написанной спустя сорок лет – в 2001. То, чем была для человечества письменная культура с алфавитным письмом в основе, стало осознаваться только тогда, когда она стала менять свои базовые предпосылки.

напрасный труд пытаться найти там научную или художественную новинку. Если бы не Интернет, наше положение было бы не лучше, чем в застойные времена тотального книжного дефицита.

Звучат возражения, что новые информационные и коммуникативные технологии не сопровождаются никакими ощутимыми антропологическими прорывами и революциями, грубо говоря, «человек не становится умнее». Действительно, пропускная способность человеческого мозга не увеличилась, скорее образовался симбиоз «человек + компьютер», «человек + мобильный телефон», «человек + MP3 плеер» и т.п., М. Маклюэн в «Понимании медиа» называет это «финальной стадией расширения человека вовне – стадией технологической симуляции сознания», то есть действительно новыми возможностями и средствами, ставящими под вопрос саму личность [1]. Однако эффекты такого рода технологических зависимостей пока недостаточно исследованы для того, чтобы делать долгосрочные прогнозы.

«Устранение» пространства и времени как главная характеристика глобального мира многократно повышает мобильность и в интеллектуальной, и в социальной сфере. Собственно мобильность заложена как одна из целей и в Болонской конвенции (Европе нужна мобильная взаимозаменяемая и легко воспроизводимая рабочая сила). Раньше, в Средние века, студент перемещался по всей Европе, ибо был единый язык науки – латынь. Теперь это единство должна по идее обеспечить Болонская система с едиными образовательными стандартами.

Революция в познании, по моему мнению, блокируется не темпами информационной эпохи (хотя многократно была описана асимметрия научно-технического и нравственного прогресса), а современными капиталистическими реалиями, которые переструктурируют приоритеты как в науке, так и в образовании [3, с.]. В науке это привело к тому, что деньги вкладываются не фундаментальные исследования, а в те сферы, где они могут быстро окупиться и принести прибыль. Хотя так же было и во времена Леонардо и Галилея. Образование также становится экономическим и уже по преимуществу платным. Внутри университетов возникли формы, привычные скорее для бизнеса, чем для образования, и все это на фоне продолжающегося уменьшения господдержки. То, о чем с горечью писал Карл Ясперс в начале прошлого века – университет становится похожим на промышленное предприятие, исчезает «идея университета» – не ушло, а многократно усилилось [4, с.12]. Практически общественные фонды потребления перераспределяются в пользу власти или людей богатых. Новая система образования, ежегодное сокращение бюджетных мест в вузах лишает многих молодых людей лишнего шанса вырваться из своей социальной клетки, а общество лишается «социальных лифтов», питающих его динамику и обновление.²

Наука так же испытывает сильнейший пресс неолиберальных тенденций с их фетишизацией рынка³, и это касается скорее системы ценностей и приоритетов. Раньше гордились физиками, химиками, астрофизиками. Гордиться перестали, гордимся футбольными командами и яхтами. (Деньги, потраченные на евробчемпионат, несоизмеримы с затратами на науку, хотя известны данные, что прибыль от человеческого капитала выше, чем от вложения денег в станки и машины). Есть административный резон: МОН финансирует не науку, а образование, которое в Украине институционально оторвано от науки, несмотря на спорадически звучащие призывы к объединению. Естественно, университеты стараются как-то спасти то, без чего страна не может жить, хотя, как я полагаю, здания этих институтов, наверное, кому-то хотелось приватизировать, а оборудование сдать на металлолом. Институты снова входят в систему факультетов. Через двадцать лет после начала перестройки «все поняли, что нельзя без науки». Но деньги на науку выделяются скупно, в Украине – это крохи не только по сравнению с Западом, но даже и по сравнению с Россией.

Ю. Латынина как небывалый прецедент новейшей российской истории описывает учреждение олигархом Ю. Мильнером (кстати, выпускником физфака МГУ) аналога Нобелевской премии (3 млн. руб.) за фундаментальные исследования в области естественных наук [5]. В Украине такие примеры пока неизвестны, да и как они могут возникнуть, если наука, молодежь и спорт в названии министерства пишутся через запятую.

Но вернемся к вопросу об особенностях высшего образования в контексте глобализации и виртуализации общества. В знаменитых футурологических книжках Тоффлера отмечалось, что знания удваиваются каждые 18 лет, сейчас они удваиваются едва ли не ежегодно, а значит, удваивается количество файлов. Понятно, что в таких условиях более важной становится коммуникация или «коммуникативная рациональность», а не знания как таковые.

Знание, конечно, продолжает быть силой, как и во времена Бэкона, но как полезная сила знания являются менее важными, чем доступ к информации, маркетинг и реклама. Сама экономика основана на знании, в том числе и на знании того, как манипулировать действительностью (мода и реклама, стили и бренды, финансы и кредиты – инструменты такого манипулирования). При этом реальность никуда не исчезает, она виртуализируется, но эффекты виртуализации оказываются вполне материальными. Стоит денег не плохая вещь, а дорогой модный бренд, им может быть и автомобиль, и писатель, и учебное заведение, и пара кроссовок. В сети ходят виртуальные деньги, с экрана

² Здесь любопытно привести опыт Сорбонны куда берут почти всех, а уже потом начинается студенческая конкуренция. А она в вузах Франции очень жесткая. Например, в признанном вузе ее элиты – Школе политических наук есть такое правило: если студент даже проболел свыше двадцати дней, то его оставляют на второй год. Как там считается, студент уже не может восполнить пробела в образовании, догнать своих сверстников.

³ Неолиберализм, согласно которому рыночный обмен является основой для «целостной системы этических норм, достаточной для регулирования всех человеческих действий, которая заменила собой все предшествующие этические нормы», признает ведущими контрактные отношения в условиях рынка. Согласно неолиберальной теории, социальные блага можно максимизировать *путем максимизации объема и частоты рыночных/транзакций*. Более того: любые проявления человеческой деятельности могут быть вовлечены в рыночные отношения [см.: 3, с.4].

говорят виртуализированные политики и поют виртуализированные звезды. В искусстве виртуализируется не само произведение искусства, а устанавливается мода на него. Виртуализируется и само искусство, но «на выходе» получается вполне реальный результат – деньги, самая большая виртуализированная ценность (сравните, к примеру, зарплату киноактрисы за один съемочный день и зарплату профессора или ученого за месяц). В постметафизическом обществе, которое «ничем не одаривает человека и в котором Бог ничем не воздаст, деньги становятся зловеще важными» [6, с.267-271]. Виртуализируется экспертиза, лучше и убедительнее выглядят не разбор и анализ, а система рейтингов. Оценки создает публика, а не эксперты, здесь видимость (подмена и виртуализация) демократического процесса, ибо цифровые оценки не создают и не отражают подлинности.

Но, повторяю, не коммерция виртуализирует жизнь, а жизнь виртуализируется. В жизни начинает происходить конкуренция образами, попросту «гламур» – понятие, обязанное своим происхождением массовой культуре и ею же поддерживаемое и тиражируемое [7, с.26-27]. Семантика «гламура» проста: это легкость, яркость, броскость, бескомпромиссный оптимизм, отторжение социальности. Появился даже «гламур-капитализм» (термин Иванова Д.В.), есть «гламур-наука» и «гламур-образование» [8]. Тезисы «гламур-науки»: не убеждать, а очаровывать, делать все агрессивное красивым. Модность и безапелляционность – знамена такого типа «науки». Они позволяют избавиться от химер полезности и адекватности, нажитых человечеством за его долгую историю. Актуальность, истинность и практическая значимость – это то, что являлось критериями в прошлой жизни. Теперь режим создания истины изменился. Если для Гуссерля «истина одна, независимо от того, созерцают ее люди, боги, ангелы или чудовища», то теперь требование к истине эстетизируется – истина должна быть красивой [6, с.326, 328].

Соответственно невероятно изменилось и наше образование. Раньше высшее образование было некоторой гарантией карьеры. За время учебы человек приобретал элитарный культурный капитал. Теперь высшее образование перестало быть элитарным, каким было еще сто лет назад, когда его имело лишь около 2 % населения (сейчас – 25 % в России, 27% в Украине, 32% в Европе, 40% в США). Высшее образование сегодня – это как бы вторая грамотность. Студент приходит в вуз не за знаниями, а за новыми принципами грамотности, среди которых приоритетными являются английский язык и компьютер, а также то, что называют «обучаемостью» – способностью к постоянному обучению и переучиванию.

Пока на формальные требования рынка образование дает формальный же ответ, предлагая четыре типа вузов: классический университет, технический университет, «современный университет», «бизнес-школа». Два последних готовят соответственно менеджеров и топ-менеджеров. Два первых пытаются дать фундаментальные знания, два вторых – инструментальные. Ни один из типов вузов не возобладает, ибо образование, которое консервативно имманентно, никогда не сможет угнаться за быстро меняющимся рынком.

В качестве *вывода*: можно заключить, что сегодня культура и наука уже пронизаны глобальностью и устранить возникшую глобальность не представляется возможным. Это невозможно потому, что *виртуализация* (как один из атрибутов глобальности) отличает нашу эпоху и нашу культуру от всех прочих культур. Виртуализация культуры приводит к тому, что воображаемое получает все большую власть над реальным и непосредственно влияет на мировоззрение и поведение молодых людей. Культуру глобализовали прежде всего средства массовой информации, которые, в свою очередь, глобализовались благодаря технической и информационной (цифровой) революции. «Масс-медиа (телевидение и интернет главным образом), унифицируют и виртуализируют культуру, но они же ее и питают. Игнорировать в учебном процессе эти новые формы получения знаний и социализации молодежи было бы крайне неразумно.

Скончавшемуся вчера ученому и популяризатору науки С. Капице принадлежит потрясающее высказывание, которым хотелось бы закончить статью: «Телевидение сильнее атомных бомб, сильнее денег и, возможно, всего, что создал человек. И если мы этой силой воспользуемся во благо людей, то, я думаю, в конечном счете, общими усилиями нам удастся сформировать в обществе должное понимание значения науки в современной культуре».

ЛИТЕРАТУРА

1. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. — М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. — 464 с. (Приложение к серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).
2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. — Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. — 328 с. (Серия «Академический бестселлер»).
3. Харви Д. Краткая история неоллиберализма: актуальное прочтение / Пер. с англ. Н. С. Брагиной. — М.: Поколение, 2007. — 288 с.
4. Jaspers K, Die Idee der Universität. Berlin, Göttingen, Heidelberg, 1961. S. 1-6, 10-14, 25-39.
5. Латынина Ю. 3 млн долларов на развитие мультивселенной// <http://www.novayagazeta.ru/columns/53807.html>
6. Хюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Б. Хюбнер. — Мн.: Экономпресс, 2006. — 384 с.
7. Воропай Т.С., Тягло Е.А. Глобализация, массовая культура и постчеловеческая антропология// Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. – Сер. «Філософія. Філософські перипетії». – Харків, 2012. – №992. – Вип. 45. – С.19 – 29.
8. Иванов Д.В. Виртуализация общества. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 96 с.